

Борис КУТЕНКОВ

ОТКРЫТЫЙ ФИНАЛ

Евгения Вежлян. Ангел на Павелецкой. – М.: «Воймега», 2019. – 88 с.

Лирический герой Евгении Вежлян в этой книге пытается вести интеллектуальную работу и с поэтической речью («...моему уму / не даются карты её истоков...»), и с принципиально не замыкаемыми на готовых решениях вопросами («А куда мне, собственно, нужно? чего мне надо?»). Отсюда – быстрое, как бы совпадающее с темпом работы сознания проговаривание, как бы предвосхищающее конечность существования, – одна из главных смыслообразующих функций Вежлян-блогера и социолога и, как ясно теперь, после выхода книги, поэта, сделавшего одной из смысловых доминант своей лирики не просто смертность, но внезапную смертность. Кажется, что три ипостаси – блогерская, социологическая и поэтическая – неразделимы в работе Вежлян, и социологическое осмысление, рождающееся одновременно с вопросами, на которые нет готовых ответов, – разновидность её блогерского эксперимента; «Ангел на Павелецкой» – только одна из граней такого эксперимента. Недаром и печаль в этой поэзии оказывается прагматична – именно в силу того, что хаотично проговариваемые внутри себя слова в перспективе обладают функцией изменения мира, косного и замкнутого на едином понимании проблемы или человека, – мира априорно консервативного, противящегося выходу из зоны мыслительного ли, эстетического ли комфорта:

кому повем свою печаль кому
она во мне ни в небе ни в дому
она внутри растёт как существо
ведёт отсчёт неведомо кого
как будто бы пчела жужжу жужжу
а там глядишь и в мир её рожу

И характер удовольствия от этих стихов тем более интеллектуален, чем яснее читатель чувствует конфликт между глубинным пониманием сути вещей и деинтеллектуализированным «цоканьем от счастья» – последнее, неосознанная радость, ассоциируется у Евгении Вежлян с не близкой ей эстетикой «романтического мифа», лишенной философской, интеллектуальной прослойки и замкнутой на мгновенной я-идентификации. В одном из стихотворений книги противопоставляются «радость» и «натужный разум», причём эти фразы стоят в рифменной позиции, – последний как бы отягощает, но именно он придаёт смысл происходящему, именно он рождает один из значимых конфликтов этой книги – между поэзией как чистым, непосредственным удовольствием и той тяжестью проблематизации, которая в системе ценностей человека думающего, заостряющего вопросы, находящегося в непрерывном поиске не подразумевает такой эгоцентрической радости. Так, в заключительной, состоящей из одного катрена части «Из цикла “Письма о поэзии”» слово «позабыла», стоящее вместо подразумеваемого «вспомнила», трансформирует образный ряд, удваивая ореол пренебрежения поэзии к человеку («вспомнила» и «сквозь я говорит» – совсем не то же, что «позабыла» и «сквозь я говорит»). Эта же трансформация указывает на определённую подчинённость человека поэзии как самостоятельной субстанции, – вопреки упорно вычитаемому «я», вопреки продвигаемой самостоятельности интеллектуальной интенции, – тут можно вспомнить определение Чуковского «звуковой пассивизм» или гандлевское «стихам виднее»:

Я тут было её
хоронила.
И весь её алфавит.
А она обо мне позабыла
и опять сквозь я говорит.

Поэтическая речь Евгении Вежлян, несмотря на ситуативное и важное противодействие общим местам, противится собственной обязательности, – не мысля себя как поэзия в привычном понимании, складываясь иногда фрагментами, набросками, – возможно, потому, что не ощущает своего собеседника, – и в этом её обаяние. Скажем, сложно представить этот текст – напоминающий и о японской поэзии, и о минимализме от Бурича до Ахметьева, – «классическим», неизбежно «обросшим» трансформацией образного ряда, с акцентированным началом и финалом и, главное, с выводом, совершенно невозможным в контексте такой моментальной и очаровательной визуализации:

а во время службы в алтаре
под небом нарисованным
бабочка
вот такие дела

А вот – речь, как бы обосновывающая существование без собеседника; но ведь такова природа поэзии, не нуждающейся в процессе своего рождения в интеллектуальном обосновании, говорящей «вслепую» и именно поэтому рождающей эвристическую истину:

он вслепую издаёт
свои звуки и слова
как забытый пулемёт
свои пули раздава-

Книга, парадоксальным образом (и что тут главное: вытесненность главного из себя? сквозная мысль о собственной неучтённости как констатация именно присутствия, но с обратным знаком? издательские выбор текстов и композиция?), получилась очень «воймеговской», – вопреки тому, что Евгения Вежлян последние годы отдаёт предпочтение иной поэтике, не подразумевающей «я-высказанности», а скорее склонной к радикализму формы и к «вычитанию» лирического субъекта¹. О последнем – «вычитании» – в книге как раз много, но – «я»-лирика «Ангела на Павелецкой», её тёплый ностальгический сюжет, вещьность, напоминающая о «советской» картине мира и акцентирующая на ней внимание, мало напоминает апологизируемую Вежлян поэтику журнала «Воздух» в её основной парадигме, заставляя вспомнить скорее пронизанные ностальгией традиционалистские тексты Наты Сучковой, чья книга «Страна» вышла в «Воймеге» одновременно с «Ангелом на Павелецкой», или тогда же увидевший свет сборник Игоря Куницына «Макадам». Ностальгическое – особенно в тексте «Дядя Хема»

¹ ««Воймега» стала менее активной, чем раньше, на мой взгляд. И это более традиционалистское издательство, тяготеющее к проверенному вкусу. Книги, которые издает «Воймега», безусловно, важны и интересны, но если мы хотим получить какое-то представление о новой поэзии, о новом в поэзии, то, конечно, мы адресуемся к тому, что издают Дмитрий Кузьмин и Лена Сунцова» (Евгения Вежлян: «Не считать себя поэтом, чтобы остаться человеком». Беседу ведет Наталия Санникова. Урал. 2013. № 11).

– напоминает и о «Памяти памяти» Марии Степановой, книге, восторженно отмеченной Вежлян в её блоге; интеллектуальная работа Степановой явно если и не прямым образом повлияла на «семейный», «родовой» сюжет этой книги, то очевидным – перекликается с ней.

Юлия Подлубнова верно отметила в «новомировской» рецензии на книгу также влияние обэриутской поэтики², но те самые фиксации меняющегося времени (напомним, что один из главных постулатов Вежлян как литературного критика – противостояние мыслительному и поведенческому консерватизму, стремление успеть вслед за ежедневно меняющейся реальностью и добраться в этом до основания, до корней, до сердцевины: «меня интересует аппарат понимания происходящего», как выразилась она однажды) едва ли не более интересны, чем интертекстуальное происхождение текста. В коротком тексте (который мог бы иметь название «Детское», как один из начальных текстов книги, или стать его продолжением; при этом заметна и бодрая работа с частушечной основой, и след обэриутства) могут сойтись и интеллектуальный эксперимент, и выражение этической позиции, и тот самый «воймеговско»-ностальгический сюжет фиксации времени:

Наблюдаю без конца
трансформацию лица.
Не чужого – своего.
Не хочу терять его.

Таков – с наблюдаемой без конца трансформацией – и мотив собственного персонифицированного отсутствия во времени, когда только речь становится тем самым скрепляющим всё актом существования:

ничилавчески устало
забыло говорить
а время в это время встало
у стеночки курить
где меняет и прочие слова

Однако остановимся подробнее на интертекстуальном слое книги, который в поэзии Вежлян нередко меняет само содержание высказывания. Два протестных месседжа – мандельштамовский и булгаковский – внутри короткого текста («Отчего мы не чуя живём под собою страны, не читая – / спать ложимся – газет, и расчёсывать сны, как лишаи, / в темноте напрокат взятой ночи должны?») как бы удваивают пафос маленького человека (а таковым, безусловно, можно назвать героя Вежлян). Первая переосмысленная цитата, отсылающая нас к трагически известной мандельштамовской эпиграмме, обращена ни к кому, звуча в принципиально ином контексте, не предназначенном для слушателя и не подразумевающим коммуникативного пространства. Вторая цитата, уже основательно переосмысленная, изъятая из булгаковского контекста и не сразу опознаваемая, воспринимается чуть ли не в фольклорном ореоле, – и оказывается сущностной для понимания деятельности Вежлян во всём её объёме. Вспомним её болезненный, протестный текст «Серые атакуют!»³, направленный против непрофессиональной литературной прессы, и её последовательную «фейсбучную» критику последствий путинского режима. В другом контексте классическая фраза советской продавщицы, перемещённая в иной семантический ряд, оказывается самостоятельным афоризмом, только опосредованно связанным с породившим её первоисточником:

² Юлия Подлубнова. «Человек невычита-». Рец. на кн.: Евгения Вежлян «Ангел на Павелецкой». М.: «Воймега», 2019 // Новый мир. 2019. № 12

³ <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Serye-atakuyut-ili-Rassuzhdenie-o-sostoyanii-literaturnoj-pechati>

То есть время – оно не везде.

<...>

Нас-то много.

Оно одно.

И на всех его не хватает.

Стихи, произносимые в ситуации принципиальной ненужности, «неучтённости», даже нелепости («Отклеиваясь от бумажного пейзажа. / Опять приклеиваясь к бумажному пейзажу»), не могут слегка не юродствовать. Отсюда – травестийный характер заголовков и их интертекстуальная основа: они не просто апеллируют к классическим текстам, но при этом, кажется, зачастую вызывая не имеют с ними ничего общего. В этом перенесении вещи в новый контекст чувствуется протестное высказывание с позиции самоумаления⁴. Так, текст, напрямую не озаглавленный «День победы», но с соответствующей стержневой аллюзией, опять-таки только поверхностно говорит о национальном празднике, глубинно же – о желании пережить коллективную общность в стесняющих социальных обстоятельствах; «Детское» – вовсе не детский текст, пусть и имеющий бодрую хореическую основу; совсем не гумилёвские «Письма о поэзии» – философский текст об отсутствии поэзии и проблематизации этого отсутствия внутри лирического героя и, что важно, о её возврате в него, – то есть всё о той же пассивной позиции, тогда как сопротивление выражено на уровне травестизации заголовка. В одном из наиболее прямолинейных, даже лобовых текстов книги, чьё название отсылает к известной рубрике журнала «Новое Литературное Обозрение», – «Социальная поэзия», – герой говорит с позиции социально угнетённых, обращается к «водителям огромных, огромных, многотонных автомобилей», просит «объяснить *им* всё за нас» и при этом растерянно не знает, чего попросить, тем самым как бы оказываясь в положении пушкинского старика перед золотой рыбкой. Ирония присутствует не только на уровне заголовка, обыгрывается и сама сказочная ситуация: будучи перенесена во вполне реалистический контекст, она приводит к тому, что и угнетённое положение воспринимается как должное. Другой случай обыгрывания классического – упомянутый цикл «Письма о поэзии», представленный в этой книге отдельными фрагментами, где насмешливо остраниется фраза Гейне: «Говорят, через сердце поэта проходит какая-то трещина...». Тут вновь сказывается фирменная вежляновская ирония над романтическим мифом, нелюбовь этого педагога и критика к шаблонам, к общим местам (например, выраженная на уровне обычной тавтологии: «холода холодают» – острающий характер мгновенного бытового заявления переводит речь в плоскость полемизирующего разума), но и – стержневое для книги осознание собственной неучтённости, когда распад вещей приводит к тому, что и собственная поэтическая идентичность воспринимается пассивно-отстранённо. Далее в этом тексте констатируется отстранённость даже по отношению к собственной телесной идентичности (образов, выражающих отдельность человека от его физического существования – вплоть до «надевания чужого лица» и «движения человека без тела», – вообще много в «Ангеле на Павелецкой»):

А вот – моё тело. Под одеялом – колючим, из шерсти не помню какой. Я его чувствую, но пока не вижу. Открываю и закрываю глаза.

Книга, несмотря на видимый сюжет «неучтённости» на разных уровнях, содержит множество художественных стратегий (как уже отметила Юлия Подлубнова в той же рецензии из «Нового мира», «Евгения Вежлян умудрилась расположиться одновременно

⁴ Ловлю себя на том, что то же слово в совершенно другом контексте недавно употреблял по отношению к Олегу Дозморову, чья книга вышла в 2019 году в «Воймега», и думаю, что уже должен появиться обобщающий текст о поэтике самоумаления.

везде, объединить под одной обложкой всё...»), как бы не доведённых до эстетического предела. Не все из этих возможностей для автора одинаково актуальны сейчас, но необходимость для самой Вежлян выхода книги давно пишущего «поэта-дебютанта» как акта легитимации перед поэтическим сообществом, проговорённая на её странице, как бы и подразумевает вброс в литературное пространство множества разных вариантов эстетического самоопределения, минуя целостную концепцию, подразумевая скорее разнообразное и разноуровневое избранное, – что и получилось. В итоге каждый из высказавшихся о книге видит своё: Денис Драгунский в отзыве на обложке книги пишет о «редчайшем сплетении высокого косноязычия мысли с весёлой ясностью бытовой речи» и использует в качестве антитезы такому методу пренебрежительное слово «метафоричненький» (подразумевая под этим, видимо, то, о чём когда-то писал Владимир Губайловский в предисловии к книге Анны Аркатовой, о метафоре как «выдаче одного за другое», своеобразном обмане, – обоснование автологического слова)⁵. Но если Драгунский, говоря о «высоком косноязычье», противопоставляет его «ясности», то в манере Вежлян можно увидеть косноязычие в другом понимании – бытовое, порой слегка искусственно привнесённое в интеллигентский пафос, и не «высокое», а осознанно «низкое» (без негативных коннотаций). Особенность стиля Вежлян – в сочетании подлинно интеллигентной речи и речи простой, порой даже как бы детской и уж в любом случае нетрансформированной, взятой непосредственно из бытовой жизни («ничилавечески устало», «придумалось животное “ловчица”»). Это хорошо видно не только в стихах, но и в текстах Вежлян-блогера; всё это разбавляет отстаиваемый ей в литературоведческой практике терминологизм речи (вспомним изобретённое ей в пафосе этого отстаивания насмешливое «терминофобия» – тоже термин).

О книге трудно говорить, правда, не в связи со стилистикой, – она непросто собирается в единое целое. Такие тексты, как «Бедный поэт», знаменуют движение авторской поэтики в сторону постепенного размытия «традиционализма»; декларативность «Бедного поэта» или «Социальной поэзии», явно продиктованная развитием новой социальной лирики, плохо увязывается со стержневым философским сюжетом выхода в мир неготовых ответов, с разговора о котором мы начали эту рецензию, – даже если принять как должное разнообразие стилевых возможностей, граничащее с эклектикой. Более эстетически комфортные тексты из публикаций в «Новом мире» и «Арионе» 2007–2010 гг. явно отражают «прежнюю» Вежлян, но и прежнее время – до тяжёлого раскола литературного сообщества, до основательного размежевания не только поэтик, но и политик, до окончательного перехода Евгении Вежлян на сторону «Воздуха» и последующих драматических автоконстатаций о неприятии позиции Вежлян его лидером Дмитрием Кузьминым. Кажется, эти констатации совпали с общим кризисом литературного поля, в котором каждый выступает за себя и консолидация сегментов уступила место борьбе личных амбиций. Книгу трудно воспринимать в отрыве от этого кризиса, вне контекста трудной и болезненной истории поиска профессиональной идентичности автором, ищущим положение внутри распадающегося (или уже распавшегося?) сообщества и в конце концов – вопреки всему – пришедшим к осознанию собственной поэтической ценности. Именно поэтому дебютная книга Вежлян звучит как заострённый вопрос, она – открытый финал, очевидно, предполагающий продолжение, как и многие её тексты. Перед нами зрелый поэт-аналитик в становлении, поэт-диагност, стиховой результат которого глубоко связан с постоянной мучительной оценкой времени и собственных возможностей в нём. И наблюдать развитие поэтики Евгении Вежлян в

⁵ «Метафорическая сложность иногда необходима, поскольку не существует языка для того объекта, который выражает (порождает) поэт. Но никогда не надо забывать, что метафора – всегда подмена, всегда перевод и выдача одного за другое». (Владимир Губайловский. Предисловие к книге Анны Аркатовой «Знаки препинания» М.: Русский Гулливер, 2008. Цит. по: <https://iknigi.net/avtor-anna-arkatova/161316-znaki-prepinaniya-anna-arkatova/read/page-1.html>)

контексте её иных (и, как сама она подчёркивает, более социально важных) профессиональных идентичностей – занятие увлекательное.